

Ахилл, Палемон, дети Медеи и Лемносское очищение: К вопросу о фессалийском культе Ахилла в Троаде (Philostr. Heroic. 52.3–54.1)

АЛЕКСЕЙ БЕЛОУСОВ

Ахилла почитали в Древней Элладе во множестве мест как героя и как бога¹. В Фарсале² его почитали в святилище Фетиды, на монетах Лариссы³ встречается изображение головы Ахилла, Вергилий называет Ахилла именем LARISSAEUS (Aen. II, 179; XI, 404). В Эпире⁴ его почитали под именем Ἄσπετος. Вблизи Танагры⁵ он разделял одно святилище (τεμεῖνη) с Поймандром, там же почитали и Нереид⁶. Вероятно, он имел культ и в Коринфе⁷. Известно также, что его почитали в Лаконике⁸, откуда происходила известная поговорка οὐ παῖς Ἀχιλλέως ἀλλ' Ἀχίλλευς

¹ ESCHER J. *Achilleus* // RE I (1). Sp. 221–224; FLEISCHER R. *Achilleus* // Roscher's Lexicon. Sp. 58–69; VON HILLER GAERTRINGEN F. *Achilleus* // Kleine Pauly. I. Sp. 46–50. Вообще о культах Ахилла в Средиземноморье см.: MAVROJANNIS TH. *L'Achilleion nel santuario di Poseidon e Anfitrite a Tenos. Un capitolo di storia della gens Giulio-Claudia in Oriente* // Ostraka. Rivista di antichità. 3. 1994. P. 291–347.

² Schol. Il. XXIII. 142; Schol. Plat. Sisyph. 387^c; Lucan. Phars. VI. 350; Tzetz. Lycophr. 1263, 175; Strab. IX. 431.

³ ESCHER J. Op. cit. Sp. 222.

⁴ Plut. Pyrrh. 1; Ptol. Neph. 1.

⁵ Plut. Quaest. Gr. 37; Paus. II. 1. 7.

⁶ О связи культа Ахилла и культа Нереид см.: MAVROJANNIS TH. Op. cit. Passim; БЕЛОУСОВ А.В. *Нереиды и культ Ахилла на Боспоре* // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. I. С. 30–35.

⁷ FLEISCHER R. Op. cit. Sp. 60–61.

⁸ Schol. Ap. Rh. IV. 814; Paus. III. 24. 5.

αὐτὸς εἶ («не сын Ахиллов, но сам Ахилл»), ибо там же почитался и Неоптолем, сын Ахилла, о котором эта поговорка собственно и говорит. В Кротоне⁹ и Элиде¹⁰ Ахилла почитали в обрядах ритуального плача. Храмы его имелись в Таренте и Локрах Эпизефирских¹¹. В Антипалее¹² его, по словам Цицерона, чтили как бога, ибо мать его была богиней. В Милете¹³ существовал его *героон* и источник его имени. В Эрифрах Ионийских¹⁴ известен культ Фетиды и Нереид. На Эвксинском Понте культ Ахилла засвидетельствован множеством эпиграфических памятников и литературной традицией.¹⁵ На Сигейском мысу¹⁶ находился городок Ахиллейон с храмом и культовым изображением Ахилла, где Ахилла почитали и «как бога» (ὡς θεός) и «как героя» (ὡς ἥρωας) и где фессалийцы ежегодно приносили свои жертвы. В самой же Фессалии культ Ахилла документируется плохо. О существовавшем здесь почитании Ахилла могут косвенно свидетельствовать изображения на монетах Фессалийского союза.

Из диалога Филострата Флавия «О героях» (Her. 52.3-54.1) нам известно о священном посольстве, которое фессалийцы должны были ежегодно отправлять

⁹ Lycophr. 856sqq.

¹⁰ Paus. VI. 23. 3.

¹¹ Schol. Plat. Phaed. 243^a.

¹² Cic. De nat. deor. III. 45.

¹³ Arh. II. 43D.

¹⁴ SIG. 370. 51. 76. (См. также: Syll³ 1014; Robert, BCH 57, 1933, 467-480; Sokolowski, LSAM 25; SEG 15, 723; SEG 16, 725; Forrest, BCH 83, 1959, 513-522; Dunst, SDAW 1960, 1, 5-20, № 1; SEG 18, 478; IEry 201).

¹⁵ Вообще о культе Ахилла в Северном Причерноморье см.: Köhler Н.К.Е. *Mémoire sur les îles et les courses consacrées à Achille dans le Pont Euxin* // Mémoires de l'Acad. des sciences de St.-Petersbourg, t. X, 1826; Толстой И.И. *Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте*. Петроград, 1918; Ростовцев М.И. *Новая книга о Белом острове и Таврике* // ИАК. 65. 1918; Диеhl Е. Рец. Толстой, *Остров Белый...* // Gnomon. Bd. 3. 1927. S. 633sqq.; Диеhl Е. *Pontarches (2)* // RE. 1953. 22 SBd. 2; Русяева А.С. *Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье* // Скифский мир. 1975. С. 174-185, и др. работы; Лейпуньска Н.О. *Про культ Ахилла в Північному Причорномор'ї* // Археологія. 1970. Т. 23. С. 60-73; Хоммель Х. *Ахилл – Бог* // ВДИ. 1981. №1. С. 52-76 (= Номмел Н. *Der Gott Achilles* // SB der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 1980. S. 7-52); Курбатов А.А. *Культе Ахилла в Северном Причерноморье*. Автореф. дисс... канд. ист. наук, М., 1981; Hedreen G. *The Cult of Achilles in the Euxine* // Hesperia. 1991. 60. P. 313-330; Охотников С.Б., Островерхов А.С. *Святынище Ахилла на острове Левке (Змеином)*. Киев, 1993; Шауб И.Ю. *Ахилл – бог древнего Причерноморья* // Новый часовой. 2002. №13-14. С. 356-367 и Шауб И.Ю. *Ахилл на Боспоре* // Боспорский феномен. СПб., 2003; Иванчик А.И. *Накануне колонизации*. М., 2005. С. 68-82; *Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit*. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Joachim Hupé (Hrsg.) Rahden/Westf., 2006; Белоусов А.В. *Ахилл и амазонки на Белом острове* // Индоевропейское языковедение и классическая филология. Чтения памяти И.М. Тронского. СПб., 2007. С. 15-20; Белоусов А.В. *Нереиды и культ Ахилла на Боспоре* // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. I. С. 30-35.

¹⁶ Strab. XIII. 596; Plin. NH. V. 125.

в Трояду для совершения жертвоприношений Ахиллу¹⁷. Названное сочинение Флавия Филострата является ценным источником по культам Ахилла как бога на Сигее и на Белом острове в аспектах и мифа и ритуала. Известно, как уже отмечалось, что поздние авторы очень часто излагали весьма архаические сюжеты¹⁸. Ввиду того обстоятельства, что ритуальные особенности культа Ахилла нам почти неизвестны, а ритуальный аспект эллинской религии является ныне «краеугольным камнем» в исследованиях греческой религиозной истории¹⁹, сообщение Филострата о культовой фессалийской церемонии на Сигее заслуживает самого пристального внимания. Кроме того, сравнение ритуального почитания Ахилла на Сигее с культами детей Медеи и Меликерта, очевидно хорошо знакомыми древнему читателю Филострата, а также с Лемносским праздником «очищения огня», позволяет, думается, прояснить и некоторые обрядовые черты и этих также малоизвестных культов.

***

Виноградарь «Героики» Филострата рассказывает своему финикийскому гостю (Her. 52. 3 – 53. 4):²⁰

καὶ μὴν καὶ ὕμνων ἐκ Θετταλίας ὁ Ἀχιλλεὺς ἔτυχεν, οὓς ἀνὰ πᾶν ἔτος ἐπὶ τὸ σῆμα φοιτῶντες ἦδον ἐν νυκτὶ τελετῆς τι ἐγκαταμινύοντες τοῖς ἐναγίσμασιν, ὡς Λήμνιοί τε νομίζουσιν καὶ Πελοποννησίων οἱ ἀπὸ Σισύφου. . .

τὰ μὲν δὴ Κορινθίων ἐπὶ Μελικέρτῃ (τούτους γὰρ δὴ τοὺς ἀπὸ Σισύφου εἶπον), καὶ ὅποσα οἱ αὐτοὶ δρῶσιν ἐπὶ τοῖς τῆς Μηδείας παισίν, οὓς ὑπὲρ τῆς Γλαύκης ἀπέκτειναν, θρήνη εἶκασται τελεστικῶ τε καὶ ἐνθέῳ, τοὺς μὲν γὰρ μειλίσσονται, τὸν δὲ ὕμνοῦσιν.

И, конечно же, Ахилл принимал гимны из Фессалии, каковые распевали в ночи ежегодно приходящие на его могилу (фессалийцы), смешивая ритуалы посвящения (τελετῆς) с приношениями герою (τοῖς ἐναγίσμασιν), как делают лемносцы или те жители Пелопоннеса, что ведут свой род от Сизифа. . .

Обряды, совершаемые коринфянами в честь Меликерта (ведь они потомки Сизифа, как я уже сказал), и те (ритуалы), что они совершают в честь детей Медеи, которых они убили Главки ради, схожи с плачем посвятившим и боговдохновенным: тех умилостивляют, а этого в гимнах славят.

¹⁷ ESCHER J. Op. cit. Sp. 222.

¹⁸ КИЖАЛОВ Р.В. *Проблема реализации вариантов мифа в повествовательном фольклоре и изобразительном искусстве* // Фольклор и этнография. Л., 1977. С. 15слл. (= Новый Гермес 2 (2008). С. 89-99). См. также: BURKERT W. *Greek Religion*. Cambridge, Mass., 1985. P. 6.

¹⁹ См.: BURKERT W. Op. cit. P. 54-55.

²⁰ Здесь и далее цитаты из диалога «О героях» даются по изданию: DE LANNON L. *Flavii Philostrati Heroicus*. Leipzig: Teubner, 1977.

Итак, ритуалы на могиле Ахилла схожи с ритуалами культов детей Медеи и Меликерта. Схожи они тем, что у них есть нечто общее: *τελετή, θρήνος* (телестикός τε καὶ ἔνθεος) и τὰ ἐναγίσματα. Рассмотрим по порядку оба культа в их ритуальном аспекте, насколько позволяет об этом судить фрагментарное состояние наших источников.

§ 1. *Коринфский культ детей Медеи*

Александрийский грамматик II-I вв. до Р.Х. Пармениск сообщает, что культ детей Медеи²¹ был установлен коринфянами после эпидемии какого-то мора (λοιμός), случившегося в городе²². По совету оракула они учредили этот культ, дабы искупить свою вину перед несправедно убитыми ими детьми колхидской царевны и отвратить гнев Геры. С этого времени ежегодно из среды коринфской аристократии отряжались семь мальчиков и семь девочек для служения в храме Геры на год²³. По сообщению Павсания (II. 3. 6), по разрушении Коринфа Муммием в 146 г. до Р.Х. «новые поселенцы не восстановили для них этих жертв (θυσῖαι)», ранее же коринфские дети детей Медеи ради ещё стригли свои волосы и носили черные одеяния. А Элиан говорит, что «из-за преступления перед детьми Медеи коринфяне по сей день, как передают, приносят на их могиле заупокойные жертвы (ἐναγίζουσι), воздавая необходимую дань безвинно погибшим» (Var. Hist. V. 21). Возвращаясь в классическую эпоху, можно вспомнить и слова Эврипидовой Медеи, описывающие обряды в честь её детей языком посвященных ритуалов:

О нет! Моя рука их похоронит.
В священную я рощу (τέμενος) унесу
Малюток, Геры Высей (Ἦρας Ἀκράϊας θεοῦ), и никто
Там вражеской десницей их могилы

²¹ О культе детей Медеи в Коринфе см.: SÊCHAN L. *La légende de Médée* // REG. 40. 1927. P. 234-310; BRELICH A. *I figli di Medea* // Stidi e materiali di storia delle religioni. 30. 1959. P. 213-254; MIMOSO-RUIZ D. *Médée antique et moderne: aspects rituels et socio-politiques d'un mythe*. Paris, 1982; DUNN F. *Pausanias on the Tomb of Medea's Children* // Mnemosyne. 48. 1995. P. 348-351; *Medea: Essays on Medea in Myth, Literature, Philosophy and Art*. Ed. By J. CLAUSS and S. I. JOHNSTON. Princeton, 1997; PÂCHE C. O. *Singing Heroes - The Poetics of Hero Cult in the Heroikos* // Philostratus's Heroikos: religion and cultural identity in the third century C.E., edited by J. K. B. Maclean & E. V. Aitken. Leiden, 2005. P. 2-34 (пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность Корин О. Паш за любезно присланную ею статью во время работы над этим материалом в 2005 г.); PÂCHE C. O. *Baby and Child Hero-Cults in Ancient Greece*. Urbana, 2005.

²² Природа этого мора неизвестна. Предполагают, что он поражал детей. Бытовало поверье, что души злобных мертвецов выбирают жертв, похожих на них. См.: BRELICH A. *Op. cit.* P. 247-248.

²³ Schol. Eur. *Medea* 264 = FGrH 417F3.

Не осквернит ... В Сизифовой же мы
Земле обряд (τέλη) и праздник (σεμνήν ἑορτήν) установим,
Чтоб искупить невинную их кровь... (пер. И. Анненского)²⁴

Вероятно, обряды в честь детей Медеи были включены в контекст праздника Геры Акрейской, где совершалось жертвоприношение козы. На пути к месту совершения жертвоприношения коринфяне откапывали жертвенный нож. Интересно то, что, по некоторым сообщениям, этот нож был тем самым ножом, каковым были лишены жизни дети Медеи²⁵. Дети коринфян, которых выбирали для служения в храме Геры, видимо, символически подвергались смерти, на что, скорее всего, и намекает остригание волос и ношение черных одежд, воспроизводя в ритуальном действе смерть детей Медеи, что вообще типично для «обрядов перехода»²⁶. В ритуале «в честь детей Медеи» (ἐπὶ τοῖς τῆς Μηδείας παισίν) мы видим обряды посвящения (τελετή), плача (θρήνος) об умерших и жертвы (Ρaus. II. 3. 6) говорит о θυσίαί, но более вероятно, что это были все-таки τὰ ἑναγίσματα, о чем может также свидетельствовать и цвет жертвенной козы – черный).

Таким образом, в культе детей Медеи, вероятно, можно указать на следующие стадии исполнения обряда: выбор семи мальчиков и семи девочек для служения в храме Геры, шествие к могиле, откапывание по ходу шествия священного ножа, приношение на могиле ἑναγίσματα и затем, предположительно уже в храме Акрейской Геры, совершение θυσίαί.

---

²⁴ οὐ δῆτ', ἐπεὶ σφας τῆδ' ἐγὼ θάψω χερί,
φέρουσ' ἐς Ἴηρας τέμενος Ἀκραιάς θεοῦ,
ὡς μή τις αὐτοὺς πολεμίων καθυβρίση,
τύμβους ἀνασπῶν· γῆ δὲ τῆδε Σισύφου
σεμνήν ἑορτήν καὶ τέλη προσάψομεν
τὸ λοιπὸν ἀντὶ τοῦδε δυσσεβοῦς φόνου. (Med. 1377–1383)

²⁵ Вот что говорит, например, Евсевий: «Говорят, что Медея, убившая в Коринфе своих детей, спрятала здесь нож. Коринфянам, в исполнение данного им оракула совершающим жертвоприношение козы черной масти необходим нож, а коза, разрыв землю ногой, этот самый нож находит и им же и закалывается» (φασὶν γὰρ Μῆδειαν ἐν Κορίνθῳ τὰ τέκνα ἀποκτείνασαν κατακρύψαι τὴν μάχαιραν αὐτόθι· τοὺς δὲ Κορινθίους κατὰ χρησμόν αὐτοῖς δοθέντα αἶγα μέλαιναν ἑναγίζοντας ἀπορεῖν μαχαίρας, τὴν δὲ αἶγα σκάλλουσαν τῷ ποδί τὴν Μηδείας ἀνευρεῖν μάχαιραν καὶ αὐτῇ τυθῆναι (Adv. Marc. I. 3 (= fr. 125 KLOSTERMANN))).

²⁶ Лекарством от изначальной скверны является постоянное повторение изначального мифического события. См.: BRELICH A. Op. cit. P. 248.

§ 2. Культ Меликерта (Палемона)

Что же нам известно о культе Меликерта²⁷ и о ритуалах, с ним связанных? «Истмийский миф» хорошо засвидетельствован в ранних источниках, и, несмотря на варьирование в деталях, его основные элементы присутствуют в большинстве версий предания. Меликерт погибает ребёнком, когда его мать Ино, спасаясь от своего обезумевшего мужа Афаманта, бросается с Меликертом на руках с Белой скалы в море. Нереиды принимают ее в свой круг, и она становится богиней Левкофеей, а тело её сына Меликерта приносит дельфин к Истмийскому берегу, где его находит Сизиф, устраивает ему похороны и учреждает в честь мальчика Истмийский агон. С этого времени Меликерта называют Палемоном. Первое свидетельство об установлении культа Меликерта мы находим у Пиндара:

Сизифу, сыну Эола
Они²⁸ повелели воздвигнуть
Отовсюду видную честь (γέρας)
Угасшему (φθιμένῳ) отроку Меликерту...
(пер. М. Л. Гаспарова)²⁹

Тот же поэт говорит о жертвоприношении быка на Истмийских играх:

А Креонтид
На волноломе неутомимого моря
Принял почести от трёхгодового торжества,
Где закаляют быков в священной ограде Посидона,
И он же

²⁷ О культе Меликерта – Палемона см. работы: FARNELL L. R. *Ino – Leukothea* // JHS. 1916. P. 36-44; HAWTHORNE J. *The Myth of Palaimon* // TAPA. 89. 1958. P. 92-98; LESKY A. *Melikertes* // RE. XV Bd. I Hbb. Sp. 514-520; BONNET C. *Le culte de Leucothéa et de Melicerte en Grèce, au Proche-Orient et en Italie* // Studi e materiali di storia delle religioni. 52. 1986. P. 53-71; KOESTER H. *Melikertes at Isthmia: A Roman Mystery Cult* // Greeks, Romans, and Christians. Essays in Honor of Abraham J. Malherbe. Ed. by D. Balch, E. Ferguson, and W. Meeks. Mineapolis, 1990. P. 355-366; PIÉRART M. *Le culte de Palaimon à Corinthe* // Kernos. 11. 1988. P. 85-109; GEBHARD E., DICKIE M. *Melikertes – Palaimon. Hero of the Isthmian Games* // Ancient Greek Hero Cult. Proceedings of the Fifth International Seminar on Ancient Greek Cult. Stockholm, 1999; PACHE C. O. *Singing Heroes – The Poetics of Hero Cult in the Heroikos* // Philostratus's Heroikos: religion and cultural identity in the third century C.E., edited by J. K. B. Maclean & E. B. Aitken. Leiden, 2005. P. 2-34; PACHE C. O. *Baby and Child Hero-Cults in Ancient Greece*. Urbana, 2005.

²⁸ По схолиасту, «они» – это Нереиды.

²⁹ Αἰολίδαυ δὲ Σίσυφον κέλονται
ὦ παιδὶ τηλέφαντον ὄρασαι
γέρας φθιμένῳ Μελικέρτῃ (Fr. 5 Snell – Maehler)

Львиною листвою увенчал победительный лоб
Под огигийскими склонами Флиунта
С темной тенью.

(пер. М. Л. Гаспарова)³⁰

У Еврипида встречаем молитву Меликерту:

О сын владычицы Левкофеи, защитник молодых,
Господин Палемон, будь милостив к нам!³¹

Авторы эллинистического времени – Каллимах³² и Ликофрон³³ – сообщают сведения о весьма жестоком культе Палемона на острове Тенедосе.

Плутарх же вообще отличает панэллинские атлетические состязания, основанные Тесеем, от обрядов в честь Меликерта, которые, как он говорит, бытовали на Истме уже ко времени прибытия сюда Тесея. О ритуале он пишет, что «агон, утвержденный в честь Меликерта, происходил тут ночью, напоминающий более тайный обряд (τελετής), нежели зрелище или общественный праздник»³⁴.

Далее, Стаций сообщает о плаче Левкофеи на Истмийском агоне³⁵, а Аполлодор говорит, что «Истмийский агон в честь Меликерта был установлен Сизифом»³⁶.

Достаточно много рассказывает о Меликертовом культе и Павсаний. Остановимся на некоторых подробностях его сообщений. В I книге он пишет: «Когда же её сын был перенесён, как передают, дельфином на Коринфский перешеек, там стали воздавать Меликерту, переименованному в Палемона, много всяческих почестей (τιμαί), и в честь (ἐπ' αὐτῷ) его совершаются также и Истмийские игры» (пер. С.П. Кондратьева)³⁷. Далее, во II-й книге: «Если же идти дальше, то там ещё в мое время росла сосна у самого морского берега и тут же стоял жертвенник

³⁰ πόντου τε γέφυρ' ἀκάμαντος ἐν ἀμφικτιόνων
ταυροφόνῳ τριετηρίδι Κρεοντίδαν
τίμασε Ποσειδάϊνον ἄν τέμενος·
βοτάνα τέ νῖν ποθ' ἄ λείοντος
νικάσαντ' ἤρεφε δασκίοις
φλειοῦντος ὑπ' ὠγυγίοις ὄρεσιν. (Nem. 6. 39-44).

³¹ ὦ ποντίας παῖ Λευκοθέας, νεῶν φύλαξ,
δέσποτα Παλαίμων, ἴλεως ἡμῖν γενοῦ (Iph. Taur. 270-271).

³² Call. Ait. IV. Hypoth. fr. 91 Pfeiffer.

³³ Alex. 229: Καὶ δὴ Παλαίμων δέρκεται βρεφοκτόνος. Schol. – Παλαίμων ὁ Μελικέρτης ὁ τῆς Ἰουῶς υἱός. οὗτος σφόδρα ἐτιμάτο ἐν Τενέδῳ. ἔνθα καὶ βρέφη αὐτῷ ἐθυσίαζον.

³⁴ ὁ γὰρ ἐπὶ Μελικέρτῃ τεθεῖς αὐτόθι νυκτὸς ἐδράτο, τελετῆς ἔχων μᾶλλον ἢ θεάς καὶ πανηγυρισμοῦ τάξιν (Theseus 25. 5).

³⁵ Theb. VI. 10-14.

³⁶ ἐτέθη δὲ ἐπὶ Μελικέρτῃ ὁ ἀγὼν τῶν Ἰσθμίων, Σισύφου θέντος (Bibl. III. 4. 3).

³⁷ ἐξενεχθέντος δὲ ἐς τὸν Κορινθίων ἰσθμὸν ὑπὸ δελφίνος ὡς λέγεται τοῦ παιδός, τιμαὶ καὶ ἄλλαι τῷ Μελικέρτῃ δίδονται μετονομασθέντι Παλαίμονι καὶ τῶν Ἰσθμίων ἐπ' αὐτῷ τὸν ἀγῶνα ἄγουσι (I. 44. 8).

(βωμός) Меликерта. Говорят, что к этому месту дельфин принёс ребёнка»³⁸. Внутри перибола храма Посейдона находился, по словам Павсания, храм Палемона. «Внутри самой священной ограды на левой стороне находится храм Палемона, и в нём есть статуи: Посейдон, Левкотейя и сам Палемон. Есть тут и другое святилище, называемое *адитон* (Святая святых); в него ведёт подземный ход (κάθοδος), и говорят, что тут сокрыт в своей могиле Палемон, и если здесь поклянется ложно, кто бы он ни был – коринфянин или иноземец – то нет ему никакой возможности избежать наказания за ложную клятву»³⁹. Спускались ли молодые люди в Ἄδυτον? Что за клятва произносилась в нём? К слову, ещё один Ἄδυτον Павсаний описывает в IX книге (Беотийской), где он рассказывает о прорицалище Трофония. Желавший спросить Трофония был обязан совершить целую серию ритуалов, включавших в себя очищения и жертвы и гадания по внутренностям жертвенных животных. Наконец, в ночь, когда вопрошающий должен спуститься в Ἄδυτον, «приносят в жертву барана над ямой, призывая имя Агамеда», и если внутренности этого барана дают благоприятное знамение, то человек «преисполненный доброй надеждой» спускается в Ἄδυτον. «Внешний вид этого сооружения, – говорит Павсаний, – похож на печь для печения хлеба». Спускающийся держит в руках ячменные лепёшки, замешанные на меду. «Те, которые таким путём оказываются внутри тайного святилища (ἐντὸς τοῦ ἀδύτου), узнают будущее не одним каким-либо способом, но один его видит глазами, другой о нем слышит». Вопросивший Трофония возвращается из пещеры ногами вперёд. Затем его, посадив «на так называемый Трон Мнемосины», спрашивают о виденном и слышанном им в святилище жрецы. Родственники, подняв его, «охваченного ужасом и в таком состоянии, что он не сознаёт самого себя и не узнаёт близких», на руки, приносят его в храм доброй Тихи и доброго Демона. Впоследствии, как говорит писатель, к нему возвращается и разум, и способность смеяться.⁴⁰ Всё вышеописанное очень похоже на обряд инициации и вполне возможно, что в Ἄδυτον Палемона проводились подобные этим τελεταί.

Элий Аристид, писатель II в. н.э., также сообщает важное свидетельство о культе Палемона:

Следует называть Палемона прекрасным и произносить его имя, и участвовать в посвятительных обрядах (τῆς τελετῆς) и тайных ритуалах (τοῦ ὄργιασμοῦ) в честь его, а также (столь сильную любовь следует испытывать к этому ребёнку!) видеть

³⁸ προῖοῦσι δὲ ἢ πίτυς ἄχρι γε ἐμοῦ περὶ κει παρὰ τὸν αἰγιαλὸν καὶ Μελικέρτου βωμός ἦν. ἐς τοῦτον τὸν τόπον ἐκκομισθῆναι τὸν παῖδα ὑπὸ δελφίνου λέγουσι (II. 1. 3).

³⁹ τοῦ περιβόλου δὲ ἐστὶν ἐντὸς Παλαίμονος ἐν ἀριστερᾷ γὰς, ἀγάλματα δὲ ἐν αὐτῷ Ποσειδῶν καὶ Λευκοθέα καὶ αὐτὸς ὁ Παλαίμων. ἔστι δὲ καὶ ἄλλο Ἄδυτον καλούμενον, κάθοδος δὲ ἐς αὐτὸ ὑπόγειος, ἔνθα δὴ τὸν Παλαίμονα κεκρῦφθαι φασίν. ὃς δ' ἂν ἐνταῦθα ἢ Κορινθίων ἢ ξένος ἐπίορκα ὁμόση, οὐδεμία ἐστὶν οἱ μηχανὴ διαφυγεῖν τοῦ ὄρκου (II. 2. 1).

⁴⁰ Paus. IX. 39. 5-13.

на картине цветение, свежесть и совершенство этого мальчика, когда он (изображён) носимый на дельфине или по самой поверхности моря или на руках своей матери. Ибо это сладчайшее из чудес, какие только можно видеть или слышать. И хорошо, что и море и Галена присутствуют на картине и улыбка ребёнка, обращенная к Посейдону, принимающему его в свой пеплос⁴¹.

Флавий Филострат свидетельствует о культе Меликерта в своих «Картинах», где сообщает интересные сведения. Он описывает картину, на которой изображен «народ, совершающий жертвоприношение на Истме» (ὁ θύων ἐν Ἴσθμῳ δῆμος), здесь же присутствуют Посейдон и Сизиф, Левкофея и сам Палемон. Когда дельфин приносит на берег спящего (καθεύδοντα) Меликерта, здесь по воле Посейдона образуется ἄδυτον⁴², и с этих пор Сизиф должен приносить Палемону жертвы (θύειν). И Сизиф приносит в жертву Палемону «чёрного быка»⁴³, взяв этого барана из стада Посейдона. А далее следуют, как я думаю, очень важные для понимания культа сведения:

Ἀ λόγος жертвоприношения, одевания приносящих жертву (θυσάντων) и приношения заупокойные (τὰ ἐναγίσματα), дитя моё, и заклятие должны сохраняться для тайных обрядов в честь Палемона (ἐς τὰ τοῦ Παλαίμονος ὄργια). Ибо λόγος этот свят и вместе с тем сокровенен (σεμνὸς καὶ ἀπόθετος), поскольку Сизиф, и сам будучи мудрым, его обожествил⁴⁴.

Что должно означать это выражение – ὁ τῆς θυσίας λόγος – непосредственно непонятно, но весьма вероятно, что содержанием этого λόγος'а была история смерти и воскресения Меликерта⁴⁵. Заметны также и совпадения между сообщениями Филострата и Элия Аристида: у последнего говорится о τελετή и ὄργιασμός, у первого – ὄργια (τελετή не называется, но явно подразумевается). Наконец, приведём и свидетельства христианского писателя Климента Александрийского, которые содержатся в его *Протретику* (II. 29). Он говорит, что «в истмийских обрядах оплакивается Меликерт»⁴⁶, и в этом высказывании мы в

⁴¹ Παλαίμονα δὲ καὶ εἰπεῖν καλὸν καὶ τοῦνομα αὐτοῦ ὀνομάσαι, καὶ ὄρκον ποιήσασθαι, καὶ τῆς τελετῆς ἐπ' αὐτῷ καὶ τοῦ ὄργιασμοῦ μετασχεῖν, τοσοῦτός τις ἴμερος πρόσεσι τῷ παιδί καὶ ἰδεῖν γε καὶ ἐν γράμματι, ὅπου μὲν ἐπὶ δελφίνος φερόμενον, ὅπου δὲ καὶ ἐπ' αὐτῶν τῶν νῶτων τῆς θαλάττης, ὅπου δὲ καὶ ἐν ταῖς χερσὶ τῆς μητρὸς τὸ θάλας τοῦ παιδὸς καὶ τὴν ὥραν καὶ τὸ ἄνθος. ταῦτα γὰρ θεάματα θεαμάτων ἥδιστα, καὶ ἰδεῖν γε καὶ ἀκοῦσαι· καὶ θάλατταν αὐτοῦ παρεῖναι ἐν γράμματι καὶ γαλήνην, καλὸν καὶ τοῦτο, καὶ μειδιάματα τοῦ παιδὸς πρὸς Ποσειδῶνα ὑποδεχομένου τῷ πέπλῳ (46. 40. Keil. vol. 2. p. 375).

⁴² προσίοντι δὲ αὐτῷ ῥήγνυται τι κατὰ τὸν Ἴσθμὸν ἄδυτον διασχούσης τῆς γῆς ἐκ Ποσειδῶνος.

⁴³ θύει δὲ ταῦρον τουτονὶ μέλανα.

⁴⁴ ὁ μὲν οὖν τῆς θυσίας λόγος καὶ ἡ τῶν θυσάντων ἐσθῆς καὶ τὰ ἐναγίσματα, ᾧ παῖ, καὶ τὸ σφάττειν ἐς τὰ τοῦ Παλαίμονος ἀποκείσθω ὄργια – σεμνὸς γὰρ ὁ λόγος καὶ κομιδῆ ἀπόθετος ἅτ' ἀποθειώσαντος αὐτὸν Σισύφου τοῦ σοφοῦ (Imagines. II. 16).

⁴⁵ См.: РАСНЕ С. О. *Singing Heroes...* P. 2-34.

⁴⁶ Μελικέρτην ὀδύρεται τὰ Ἴσθμια.

праве видеть присутствие ритуального *θρήνος* в церемониях Истмийского агона. Затем Климент там же пишет:

Видимо, агоны, справлявшиеся в честь мёртвых, на деле были *μυστήρια*, как и оракулы (*τὰ λόγια*) и носили общенародный характер (...). Сейчас уже это – срам мирской, как агоны эти, так и те фаллы, изготавливавшиеся для Диониса и наполнявшие жизнь человеческую злом⁴⁷.

Мы неслучайно привели столь много свидетельств древних писателей о культуре Меликерта. Это было необходимо потому, что свидетельств, касающихся обрядов культа детей Медеи слишком мало. Можно констатировать несомненное сходство между этими двумя культурами в их обрядовом аспекте. В основе обряда находилась, видимо, некий *λόγος* (представляющий, вероятно, некую священную историю *ab origine* как *τὰ λεγόμενα ἐπὶ τοῖς δρωμένοις*), воспроизводящий изначальное (хотя, возможно, и менявшееся незначительно в ходе истории) предание, которое и служило основой тех *heiligen Handlungen*, что совершались в процессе церемонии. Изначально эти ритуалы – мистериальны в том смысле, что в их фундаменте лежат обряды посвящения (*τελετή*) *rites de passage*, дающие посвящённому более высокий общественный статус (возможно, переход из одной возрастной группы в другую). Эти ритуалы носили тайный, сокровенный от непосвящённых характер. Жертвоприношения олимпийские (*θυσία*) сочетаются с заупокойными приношениями (*τὰ ἐναγίσματα*) и совершаются ночью, что говорит о хтонической и вместе с тем небесной семантике почитаемых таким образом божеств. Обряды сопровождаются ритуальным плачем (*θρήνος*)⁴⁸, причем, по словам Филострата, детей Медеи «умилостивляют» (*μελίσσονται*), а Меликерта «гимнословят» (*ὕμνοῦσιν*). Как и в прочих «обрядках перехода» посвящаемые проходят через символическую смерть (в культуре детей Медеи намеком на это могло бы служить обрезание волос и ношение черной одежды, а в культуре Меликерта – спуск в загадочный Ἄδυτον).

§ 3. Лемносское очищение огня

Филострат, впрочем говорит также о сходстве обрядов Ахилла, детям Медеи и Меликерту с ежегодным праздником обновления огня на Лемносе.

Остров Лемнос, вследствие проступка, совершенного некогда из-за Афродиты (лемносскими) женщинами по отношению своих мужей, каждый год очищается. На девять

⁴⁷ *Μυστήρια ἦσαν ἄρα, ὡς ἔοικεν, οἱ ἀγῶνες ἐπὶ νεκροῖς διαθλούμενοι, ὥσπερ καὶ τὰ λόγια, καὶ δεδήμευνται ἄμφω (...) αἶσχος δὲ ἤδη κοσμικὸν οἱ τε ἀγῶνες καὶ οἱ φαλλοὶ οἱ Διονύσῳ ἐπιτελούμενοι, κακῶς ἐπινενεμημένοι τὸν βίον* (Protrepticus. II. 29).

⁴⁸ «At Corinth there was an annual festival, known as “the festival of mourning” for Medea’s children, which included the same “ritual and divine lament” as for Melikertes... The threnos was probably sung antiphonally, with one choir of boys and one of girls». – ALEXIOU M. *The Ritual Lament in Greek Tradition*. Cambridge UP, 1974. P. 61.

дней здесь гасится огонь. Огонь затем приносит священный корабль с Делоса, и если он прибывает до совершения заупокойных приношений (πρὸ τῶν ἐναγισμάτων), он вообще не причаливает к Лемносу. Нос сего корабля покачивается в море до тех пор, пока ему не будет позволено войти в гавань. Это потому, как я думаю, что, призывая хтонических и неназываемых богов (θεοὺς γὰρ χθονίους καὶ ἀπορρήτους καλοῦντες τότε), они в море сохраняют огонь чистым. После того как корабль входит в гавань, огонь разделяется в новое жилище и в кузницы ремесленников, и отсюда, как они говорят, происходит начало новой жизни⁴⁹.

Здесь, перед тем как описывать непосредственно ритуал лемносской пурפורία, Филострат сперва ссылается на этимологический миф⁵⁰, объясняющий первопричины совершения обряда. Гнев Афродиты настиг лемносских женщин, и от них стало исходить жуткое «зловоние» (δυσωδία), настолько отвратительное, что мужья их стали искать ласки в объятиях своих фракийских рабынь. Это, в свою очередь, так возмутило лемнианок, что они в одну страшную ночь убивают своих мужей, а заодно и вообще всё мужское население острова. Лемнос стал островом женщин, власть над которым досталась царской дочери Гипсипиле. Конец этой аномалии был положен прибытием на Лемнос корабля аргонавтов, когда лемносские женщины соединились с героями Арго. Ритуальное отражение этого мифа очень убедительно исследовал в своё время Вальтер Буркерт⁵¹, и мы не будем слишком подробно на нём останавливаться, обратившись, прежде всего, к тем особенностям церемонии, которые связывают культы Ахилла, Меликерта и детей Медеи с лемносским очищением. Миф даёт нам две базовые составляющие ритуала, две περιπέτεια: 1) пе-

⁴⁹ ἐπὶ δὲ τῷ ἔργῳ τῷ περὶ τοὺς ἄνδρας ὑπὸ τῶν ἐν Λήμνῳ γυναικῶν ἐξ Ἀφροδίτης ποτὲ πραχθέντι καθαίρεται μὲν ἢ Λήμνος καὶ καθ' ἕκαστον ἔτος καὶ σβέννυται τὸ ἐν αὐτῇ πῦρ ἐς ἡμέρας ἐννέα, θεωρὶς δὲ ναῦς ἐκ Δήλου πυρφορεῖ, κὰν ἀφίκηται πρὸ τῶν ἐναγισμάτων, οὐδαμοῦ τῆς Λήμνου καθορμίζεται, μετέωρος δὲ ἐπισαλεύει τοῖς ἀκρωτηρίοις, ἕς τε ὅσιον τὸ ἐσπλεύσαι γένηται. θεοὺς γὰρ χθονίους καὶ ἀπορρήτους καλοῦντες τότε καθαρὸν, οἶμαι, τὸ πῦρ τὸ ἐν τῇ θαλάττῃ φυλάττουσιν, ἐπειδὴν δὲ ἡ θεωρὶς ἐσπλεύσῃ καὶ νεύονται τὸ πῦρ ἕς τε τὴν ἄλλην δίαίταν ἕς τε τὰς ἐμπύρους τῶν τεχνῶν, καινοῦ τὸ ἐντεῦθεν βίου ἄρχεσθαι (52. 5-7). Основные работы, касающиеся Лемносской пурפורία, суть следующие: WELCKER F.G. *Die aeschyli-sche Trilogie und die Kabirenweihe zu Lemnos*. Darmstadt, 1824; НОВОСАДСКИЙ Н.И. *Культ Кабиров в древней Греции*. Варшава, 1891; DUMÉZIL G.S. *Le Crime des Lemniennes: rites et légendes du monde Égéen*. Paris, 1924; WILHELM A. *Die Pyrrhorie der Lemnier* // *Anzeiger der (K.) Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophische-historische Klasse*. 76. 1939. S. 41-46; HEMBERG B. *Die Kabiren*. Uppsala, 1950; DELCOURT M. *Héphaistos ou la légende du magicien*. Paris(VIe), 1957; BURKERT W. *Jason, Hypsipyle, and New Fire at Lemnos: A Study in Myth and Ritual* // *Classical Quarterly*. n.s. 20. 1970. P. 1-16. Вообще о фестивалях нового огня см.: FRAZER J. *The Golden Bough. A Study in Magic and Religion*. London, 1993. P. 609-647, для Древней Греции см.: NILSSON M.P. *Fire-Festivals in Ancient Greece* // *JHS*. 43. 1923. 2. P. 144-148.

⁵⁰ Обзор источников см.: Roschers Lexicon I, Sp. 2853-2856 (KLÜGMANN) и PRELLER L. – ROBERT C. *Griechische Mythologie II*⁴ (1921). S. 449-459.

⁵¹ См.: BURKERT W. *Jason, Hypsipyle, and New Fire at Lemnos: A Study in Myth and Ritual* // *Classical Quarterly*. n.s. 20. 1970. P. 1-16.

риод аномалии, бесплодия и общественного нестроения и 2) прибытие корабля как начало новой жизни и гармонизации общественных отношений.

На девять дней Лемнос погружается в сумрачную жизнь без огня, без приготовленной на огне пищи, без супружеских отношений (видимо, женщины вообще изолируются от мужчин в этот период⁵²), мужья не могли встречаться с женами, сыновья не могли видеть своих матерей⁵³, ἑστία, центр общины, центр любого дома мёртв. Что происходило в течение этих девяти скорбных дней «нежизни»? Убийство мужчин в предании должно иметь своё соответствие в ритуале, в кровавых жертвоприношениях. Θεοὺς χθονίους καὶ ἀπορρήτους невозможно призвать без жертвенной крови, стекающей в яму. И совершать это следует ночью.

Видимо, женщины играли активную роль в этих церемониях, воспроизводя в ритуале мифическую историю, как например, в Гермione на празднике Χθόνια четыре старые женщины должны были перерезать горло жертвенным коровам⁵⁴. На Лемносе, как предполагает В. Буркерт, должно было быть известно жертвоприношение барана (изображение барана часто встречается на монетах лемносской Гефестии)⁵⁵. По окончании этого периода происходил, вероятно, агон. Однако в лемносском предании присутствует ещё одна важная деталь, которая позволяет в нем предполагать завуалированное предание об изначальной мифической драме острова Лемноса.

По сообщению Валерия Флакка⁵⁶ Тоанта, царя Лемноса, в ночь убийства мужей приводят к храму Диониса, а на следующий день его передевают в Вакха (парик, венок и украшения этого бога), и дочь его, Гипсипила, сопровождает его на пути через весь город к побережью Эгейского моря, чтобы увидеть его исчезновение в море, куда его бросают, запечатав в ящик (λάρναξ). По мнению В. Буркерта, Валерий Флакк взял этот сюжет из более древней традиции⁵⁷, отражающей ещё догреческий Средиземноморский миф об умирающем и воскресающем божестве. Ἀποπομπή полубожественного царя, путь его к морю, исчезновение в море в λάρναξ'е – всё это восходит к более древним слоям лемносского предания. Налицо Эгейский миф

⁵² “Un rite d’initiation qui isole les femmes des hommes et des garçons (non τέκνα), plutôt qu’une de ces périodes de contenance qui précèdent des fêtes féminines comme les Thesmophorie”. – DELCOURT M. Op. cit. P. 173-174.

⁵³ Мирсил Лесбосский сообщает: καὶ δυσσομίαν γενέσθαι ταῖς γυναῖξιν, εἶναί τε μέχρι τοῦ νῦν κατ’ ἐνιαυτὸν ἡμέραν τινά, ἐν ἧ δια τὴν δυσωδίαν ἀπέχειν τὰς γυναῖκας ἄνδρα τε καὶ υἱεῖς (Schol. Ap. Rhod. I. 609/619e = FgrHist. 477 F 1a).

⁵⁴ Paus. II. 35.

⁵⁵ См.: BURKERT W. Op. cit. P. 8. Жертвоприношение барана известно и на Самофракии. Вообще же, кроме барана, на монетах Гефестии присутствуют также изображения факелов-πίλοι Кабинов, виноградных гроздей и т. д. (*ibidem*).

⁵⁶ Arg. 2. 242sqq.

⁵⁷ BURKERT W. Op. cit. P. 8.

о Великой богине⁵⁸ и её паредре-боге в круге «вечного возвращения»⁵⁹. В обряд могла входить траурная ἀποτομή бога-царя⁶⁰ в сопровождении неистовствующих женщин, шествующих с плачем и гимнами. Ближайшим аналогом такому празднеству могут быть торжества Σκίροφόρια в Афинах⁶¹. Таким образом, в лемносском очищении мы находим те же элементы, что и в остальных рассмотренных нами культурах и ритуалах: символическая смерть и воскресение в форме τελετή, ритуальный плач (θρήνος τελεστικός τε καὶ ἔνθεος), τὰ ἐναγίσματα и αἱ θυσίαι в ночи.

§ 4. Сигейский обряд в честь Ахилла

Обратимся теперь непосредственно к фессалийскому культу Ахилла на Сигее (Her. 52.3-54.1)⁶².

Фессалийские приношения (ἐναγίσματα) Ахиллу совершаются ими по велению Додонского оракула: тот изрек фессалийцам, каждый год приплывающим в Трою, совершать Ахиллу жертвоприношения (θύειν) и закалывать одних (жертвенных животных) ему как богу (ὡς θεῶ), а других – как это следует делать в отношении покойников⁶³.

⁵⁸ С древнейших времён на Лемносе почиталась Великая богиня. См., напр., Steph. Byz. s.v. Λήμνος, νῆσος πρὸς τῇ Θράκῃ ... ἀπὸ τῆς μεγάλης λεγομένης θεοῦ, ἦν Λημόν φασι. К 300-250 гг. до Р.Х. относится надпись из святилища Кабириов (ASAtene 1941/1942: 91, 12): Μυρρίνη Ἀμεινοκ - - - - - / γυνὴ εὐξαμένη ὑπ[έρ- - - -] / τῆς θυγατρὸς ἀνέθηκ' Ἀφροδί- / τει Θρακίαι]. Эту Афродиту Фракийскую можно было бы отождествлять с фракийской Бендидой (см. Hesyeh. s. v. μεγάλη θεός Ἀριστοφάνης ἔφη τὴν Βενδῖν (fr. 368). Θρακία γὰρ ἡ θεός; Phot. Lex. μεγάλην θεὸν Ἀριστοφάνης ἐν Λημνίαις, ἴσως τελβαίναιν, Θράκιος γάρ).

⁵⁹ Может быть, это первоначальный Гефест, вероятно, первый лемносский Кабир, отец Кабириов, которые столь почитались на Лемносе (см. Strab. X. 472-473; Hesyeh: Κάβειροι καρκίνοι. πάντω δὲ τιμῶνται οὗτοι ἐν Λήμνω ὡς θεοί λέγονται δὲ εἶναι Ἠφαίστου παῖδες; Eusth. Odys. VIII. 292). Вообще Кабириов считают теми самыми θεοί χθόνιοι καὶ ἀπόρρητοι, коих лемносцы призывают во время скорбного периода (см.: Новосадский Н.И. Ук. соч. С. 109; NEMBERG B. Op. cit. S. 162 и Delcourt M. Op. cit. P. 178).

⁶⁰ Возможно, в римскую эпоху этот бог стал почитаться как θεὸς ἐπὶ κόως ὑψιστός. Надпись из лемносской Гефестии II-III вв. по Р.Х. донесла до нас посвящение (IG XII, 8. 24): ἐπὶ κόω / Θεῶ ὑψίστω / Βεΐθυς ὁ καὶ / Ἄδωνις / εὐχήν. Ср. надписи из Северного Причерноморья θεῶ ὑψίστω: CIRB 1231, 1260a, 1261, 1277-1286; θεῶ ὑψίστω ἐπὶ κόω: CIRB 64, 1260, 1278-1280, 1287, 1289; θεῶ ἐπὶ κόω: CIRB 1288. О широком распространении культа этого божества см.: Nock A. D., Roberts C., Skeat Th. C. *The Gild of Zeus Hypsistos* // HTR. 29. 1936. P. 39-88 (= Nock A. D. *Essays on Religion and the Ancient World*. Vol. I. Selected and edited by Z. Stewart. Cambridge, Mass.: Harvard UP, 1972. P. 414-443).

⁶¹ См.: DEUBNER L. *Attische Feste*. Berlin, 1956. S. 40-50. См. также: BURKERT W. Op. cit. P. 10-11.

⁶² Наиболее подробно обряд разобран в статье: RADET G. *Notes sur l'histoire d'Alexandre: II. Les théores Thessaliens au tombeau d'Achille* // Revue des Études anciennes. 27. 1925. P. 81-96. См также: RUTHERFORD I. *Black Sails to Achilles: The Thessalian Pilgrimage in Philostratus' Heroicus* // Philostratus / E. Bowie & J. Elsner (eds.). Cambridge, 2009. P. 230-247 (non vidi).

⁶³ τὰ δὲ Θετταλικά ἐναγίσματα φοιτῶντα τῷ Ἀχιλλεῖ ἐκ Θετταλίας ἐχρήσθη Θετταλοῖς ἐκ Λαδώνης ἐκέλευσε γὰρ δὴ τὸ μαντεῖον Θετταλοῦς ἐς Τροίαν πλέοντα θυεῖν ὅσα ἔτη τῷ

То, что оракул был дан Зевсом Додонским, находит своё объяснение в том, что Зевс – постоянный союзник Ахилла в *Илиаде*⁶⁴, а сама Додона – древнейшая колыбель Эллады и самого Ахилла⁶⁵. Особенно важно отметить, что τὸ μαντεῖον велит приносить Ахиллу жертвоприношения, обычно совершаемые подлинным богам (αἱ θυσίαι), и одновременно обычные геройские τὰ ἐναγίσματα (τὰ δὲ ὡς ἐν μοίρᾳ τῶν κειμένων). Далее Филострат описывает саму обрядовую церемонию:

От начала так было. Корабль плыл из Фессалии в Трою, поднявши черные паруса, и вёз священное посольство числом дважды по семь, быков белого и чёрного, да прирученных к тому же, а также лес с Пелионской горы, дабы ни в чем от этого города (т. е. Илиона) нужды не испытывать. И огонь из Фессалии везли они с собой, и возлияния и воду из Сперхея-реки. Потому фессалийцы стали первыми употреблять в заупокойном обряде неувядающие венки (из бессмертника), чтобы, если ветры вдруг судно задержат в пути, не сгнили венки и не выцвели⁶⁶.

Итак, священное посольство (θεωροί) совершало первоначально плавание в Трою ежегодно. Состав его был «дважды по семь». Возможно, что, как и в культе детей Медеи, это были семь мальчиков и семь девочек (или юношей и девушек). Корабль плывет под черными парусами – явное указание на хтонический характер культа. С собой они берут быков (белого и чёрного) и всё, что необходимо для совершения церемонии: дрова, огонь, возлияния, вода и венки. Всё это они везут к Ахиллу из родной им и ему Фессалии, дабы ничего не пропустить у ненавистных троянцев.

νυκτὸς μὲν δὴ καθορμίζεσθαι ἔδει καὶ πρὶν ἄψασθαι τῆς γῆς ὕμνον ἀπὸ τῆς νεῶς ἄδειν ἐς τὴν Θέτιν ᾧδε ζυγκείμενον·

Θέτι κυανέα, Θέτι Πηλεία,
τὸν μέγαν ἅ τέκες υἷόν Ἀχιλλέα, τοῦ
θνατὰ μὲν ὅσον φύσις ἦνεγκεν,
Τροία λάχε· σᾶς δ' ὅσον ἀθανάτου
γενεᾶς παῖς ἔσπασε, πόντος ἔχει.
βαῖνε πρὸς αἶπὺν τόνδε κολωνὸν
μετ' Ἀχιλλέως ἔμπυρα

5

⁶⁴ Ἀχιλλεῖ καὶ σφάττειν τὰ μὲν ὡς θεῶ, τὰ δὲ ὡς ἐν μοίρᾳ τῶν κειμένων (53. 8).

⁶⁴ Ахилл вообще часто действует как потомок и отпрыск Зевса (Διὸς γενεή). См.: Топоров В.Н. *Об архаическом слое в образе Ахилла (проблема реконструкции элементов прототекста)* // Образ-смысл в античной культуре, М., 1990. С. 73, прим. 31 (с. 87).

⁶⁵ RADET G. Op. cit. P. 84.

⁶⁶ κατ' ἀρχὰς μὲν δὴ τοιάδε ἐγίγνετο· ναῦς ἐκ Θετταλίας μέλανα ἰστία ἡρμένη ἐς Τροίαν ἔπλει, θεωροὺς μὲν δις ἑπτὰ ἀπάγουσα, ταύρους δὲ λευκὸν τε καὶ μέλανα χειροθήεις ἄμφω καὶ ὕλην ἐκ Πηλίου, ὡς μηδὲν τῆς πόλεως δέοιντο· καὶ πῦρ ἐκ Θετταλίας ἦγον καὶ σπονδὰς καὶ ὕδωρ τοῦ Σπερχειοῦ ἀρυσάμενοι· ὅθεν καὶ στεφάνους ἀμαραντίνους ἐς τὰ κήδη πρῶτοι Θετταλοὶ ἐνόμισαν, ἵνα, κἂν ἄνεμοι τὴν ναῦν ἀπολάβωσι, μὴ σαπρὸς ἐπιφέρωσι μηδὲ ἐξώρους (53. 9).

βαῖν' ἀδάκρυτος μετὰ Θεσσαλίας,
θέτι κυανέα, θέτι Πηλεία (53. 10)⁶⁷

Причаливать к берегу должно ночью и, прежде чем коснуться земли, следует спеть Фетиде с корабля следующую песнь:

О, Фетида тёмная, Фетида Пелеева!
Та, что великого породила сына Ахилла,
Того, что смертная природа породила,
Получила по жребию Троя, а то, что сын почерпнул
От твоего бессмертного рода, Понту принадлежит.   5
Взойди на высокий этот курган.
С огненной жертвой Ахилловой,
Взойди бесслезно вместе с Фессалией,
О, Фетида тёмная, Фетида Пелеева!⁶⁸

Церемония должна совершаться ночью (νυκτός), но прежде, чем приступить, участники её, ещё находясь на корабле, поют гимн Фетиде. Хтоническая основа представлений греков о Фетиде выражается в её эпиклезе – κυανέα «тёмная»⁶⁹, эта эпиклеза также прилагалась и к Деметре. Призывание божественной матери Ахилла сближает, как я думаю, культ Ахилла с культом Меликерта и его матери Левкофеи. В гимне Фетиды утверждается вера в то, что смертное тело Ахилла находится здесь, на Сигее, а бессмертная его сущность пребывает на Понте, т. е. на Белом острове.

По исполнении гимна они шли к могиле по ухоженным тропам, производя щитом гул, словно на войне, и призывая Ахилла. Возложив венки на вершину кургана и выкопав здесь ямы, они закалывали Ахиллу чёрного быка как покойнику (ὡς τεθνεῶτι). На пир

⁶⁷ Об этом гимне вообще см.: RADERMACHER L. *Die Anrufung der Thetis* // RhM. NS. 71. 1916. S. 151 sqq; HUNN F., BETHE E. *Philostrat und Diktys* // Hermes. 52. 1917. S. 621; ХОММЕЛЬ Х. *Ахилл-бог* // ВДИ. 1981. №1. С. 52-76 (особенно с. 74-75) = HOMMEL H. *Der Gott Achilles* // SB der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 1980. S. 41-42; DE LANNON L. *La structure métrique de l'Hymne à Thétis et de l'Ode à l'Écho (Philostrate, Héroïcos, 68. 1-9 et 72. 30-73, 4)* // AC. 50. 1981. P. 166-175.

⁶⁸ «Если мы и не в праве датировать этот гимн слишком ранним временем, то всё равно ничто не говорит против того, что эти лирические анапесты действительно пелись на фессалийских празднествах подле могилы Ахилла и что содержание стихов укладывается в подлинную древнюю культовую традицию». – ХОММЕЛЬ Х. Ук. соч. С. 74.

⁶⁹ О хтоничности Фетиды см., напр., Топоров В.Н. Ук. соч. С. 69-70. Важно отметить то обстоятельство, что, и как в культе Меликерта, Ахилл почитается в своём культе вместе с матерью в едином ритуальном целом. См. также: IosPE I² 142 (II – нач. III вв. по Р.Х.): Ἀγαθὴ τύχη / Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ / καὶ Θετίδι Σκάρτα / νοσ Ἀζιαίου ἱερα / τεύσας ὑπὲρ τῆς / πόλεος εὐποσία[ς] / καὶ ἑιρήνης καὶ τῆς / ἑαυτοῦ ὑγείας / χαριστήριον· ἐπὶ ἀρχ / ὄντος Σατύρου Ἀρτ[ε] / μιδώρου. О культе Нереид и о непосредственной связи его с культом Ахилла см.: БЕЛОУСОВ А.В. *Нереиды и культ Ахилла на Боспоре ...* С. 30-35.

этот они призывали также и Патрокла, делая так в угоду Ахиллу. Совершив заклятие и заупокойную жертву (ἐντεμόντες δὲ καὶ ἐναγίσαντες), они спускались к кораблю и приносили Ахиллу в жертву (θύσαντες) другого быка (т. е. белого) на морском берегу, приступая к жертвоприношению «с корзины»⁷⁰ и сжигания внутренностей жертвы (ибо жертвоприношение сие они совершали Ахиллу как богу (ἔθουον γὰρ τὴν θυσίαν ταύτην ὡς θεῶ), а под утро они отплывали, увезя с собой и жертву, дабы не досталось это угощение вражеской стране⁷¹.

То, что мы видим в этом обряде, – это культ божества и одновременно героя, причем Филострат каждый раз подчёркивает разницу между αἱ θυσίαι и τὰ ἐναγίσματα, писатель вообще очень строго употребляет эти понятия. Торжественный подъём на курган с призыванием Ахилла (видимо в особых гимнах⁷²), возложение венка на вершине, ἐνάγισμα чёрного быка, спуск с кургана, θυσία белого быка и отплытие. И всё это совершается в ночь. Любопытно, что ἐνάγισμα производится на вершине кургана, где для этого выкапывают βόθρους, а θυσία – внизу, уже на морском берегу. На вершине они приносят жертву смертной части Ахилла, Ахиллу-герою (а заодно и Патроклу!), а на берегу – Ахиллу-богу, бессмертной его сущности, которая «Понту принадлежит», причем Филострат не просто говорит ἔθουον, но ἔθουον γὰρ τὴν θυσίαν ταύτην ὡς θεῶ, что, видимо, предполагает не жертву всеожжения (что было бы ἔθουον τὴν θυσίαν ὡς τεθνεῶτι), а жертву, от которой вкушали её приносители⁷³. Инициационные аспекты ритуала очевидны. Курган Ахилла – образ Мировой Горы, подъём и спуск – смерть и воскресение, обряд перехода (ἐνάγισμα на вершине, а θυσία внизу)⁷⁴. В этом, собственно, и есть то, что Виноградарь называет τελετῆς τι ἐγκαταμιγνύοντες τοῖς ἐναγίσμασιν, и если он что-то и прибавляет от себя, то всё равно это не меняет сущности описываемых им *heiligen Handlungen*, которые он ниже (53. 14) называет «столь священными и древними» (τὰ οὕτω σεμνὰ καὶ ἀρχαῖα).

⁷⁰ В корзине обычно полагались ячменные зёрна или лепёшки для жертвоприношения, а также жертвенный нож, спрятанный под вышеупомянутыми лепёшками. Непосредственно перед жертвоприношением ячмень сыпали на алтарь и на саму жертву, после этого вынимался и нож. См.: BURKERT W. *Greek Religion*. Cambridge Mass., 1985. P. 56-57.

⁷¹ προσελθόντων δὲ τῷ σήματι μετὰ τὸν ὕμνον ἀσπίς μὲν ὥσπερ ἐν πολέμῳ ἔδουπεῖτο, δρόμοις δὲ ἐρρυθμισμένοις συναλάαζον ἀνακαλοῦντες τὸν Ἀχιλλέα, στεφανώσαντες δὲ τὴν κορυφὴν τοῦ κολωνοῦ καὶ βόθρους ἐπ’ αὐτῇ ὀρύξαντες τὸν ταύρον τὸν μέλανα ὡς τεθνεῶτι ἔσφαττον. ἐκάλουον δὲ καὶ τὸν Πάτροκλον ἐπὶ τὴν δαῖτα, ὡς καὶ τοῦτο ἐς χάριν τῷ Ἀχιλλεῖ πράττοντες, ἐντεμόντες δὲ καὶ ἐναγίσαντες κατέβαινον ἐπὶ τὴν ναῦν ἤδη, καὶ θύσαντες ἐπὶ τοῦ αἰγιαλοῦ τὸν ἕτερον τῶν ταύρων Ἀχιλλεῖ πάλιν, κανοῦ τε ἐναρξάμενοι καὶ σπλάγχων ἐπ’ ἐκείνῃ τῇ θυσίᾳ (ἔθουον γὰρ τὴν θυσίαν ταύτην ὡς θεῶ) περὶ ὄρθρον ἀπέπλεον ἀπάγοντες τὸ ἱερεῖον, ὡς μὴ ἐν τῇ πολέμῳ εὐωχοῖντο (53. 11-13).

⁷² “Ces hymnes ont ceci de particulier, que, dans le sacrifice du rite héroïque, ils introduisent l’element propre aux mystères”. – RADET G. Op. cit. P. 84.

⁷³ См.: BURKERT W. Op. cit. P. 56-57, 199-200.

⁷⁴ Об этом см.: Элиаде М. *Очерки сравнительного религиоведения*. М., 1999. С. 103-105 и Элиаде М. *Шаманизм. Архаические техники экстаза*. Киев, 1998. С. 204-206.

Далее Виноградарь рассказывает историю Ахиллова культа в Трое, точнее историю упадка этого культа. Говорит, что ещё во времена Эакидов, чьим отпрыском был и Ахилл, обряды, ему посвящённые, свято блюлись, но с приходом тирании были прекращены. Некоторые города Фессалии посылали священное посольство на Сигей, а прочие, коих, видимо, было большинство, не посылали или делали это нерегулярно. Когда у них случилась засуха, оракул велел им почитать Ахилла «как должно» (τιμᾶν τὸν Ἀχιλλέα ὡς θέμις). Они неправильно истолковали это ὡς θέμις и перестали чтить Ахилла как бога, а стали приносить ему жертвы только «как мёртвому» ὡς τεθνεῶτι, причем животных ему закалывали без разбора, не соблюдая установленных ещё Додонским оракулом предписаний. Во время греко-персидских войн фессалийцы вновь забросили отправление Ахиллова культа и снова к нему обратились лишь в эпоху завоевательных походов Александра Великого. Фессалийская конница тогда справила на могиле Ахилла агон, совершила моления и жертвоприношения (εὐξάμενοί τε καὶ θύσαντες). Между прочим, они призывали там не только самого Ахилла, но и его коней Балиона и Ксанфа, βῶντες ταῦτα ἀπὸ τῶν ἵππων. Когда Дарий был побеждён, а Александр отправился в Индийский поход, фессалийцы стали посылать Ахиллу заупокойные жертвы и чёрных ягнят (τὰ ἐναγίσματα καὶ ἔπεμπον ἄρνα μέλανα), что говорит об очередном упадке фессалийского благочестия. Ахилл разгневался на них за это, и на Фессалию обрушились ужасные бедствия (какие, Филострат конкретно не говорит). Протесилай за четыре года до беседы участников диалога был у Ахилла на Левке и просил того смягчить свой гнев в отношении фессалийцев, но тот не внял его уговорам, а сказал, что «воздаст им каким-то злом от моря» (φησὶ δ' αὐτοῖς κακόν τι ἐκ θαλάττης δώσειν). Кончилось всё тем, что фессалийцы были осуждены римским начальством в незаконном промысле морской улитки, из которой древние получали пурпур. В итоге одни из них продали свои поля, другие – дома; рабы частью сбежали, частью распроданы. «И немногие из фессалийцев совершают ныне заупокойные жертвы предкам, ибо продали они и могилы свои (καὶ οὐδὲ τοῖς γονεῦσιν οἱ πολλοὶ ἐναγίζουσιν, ἀπέδοντο γὰρ καὶ τοὺς τάφους). Это-то и было κακόν ἐκ θαλάττης, которое обещал им Ахилл за нечестие (53. 14-23).

Несколько слов об археологическом контексте описываемого в *Героике* культа Ахилла на Сигее. Холм, что ныне отождествляют с могилой Ахилла⁷⁵, распола-

---

⁷⁵ См. об этом: COOK J. M. *The Troad*. Oxford, 1973. P. 173-174, 186; COOK J. M. *The Topography of the plain of Troy // The Trojan War: Its Historicity and Context*. Ed. by L. Foxhall & J. K. Davies. Bristol, 1984. P. 170 и ALCOCK S.E. *Material Witness: An Archaeological Context for the Heroikos // Philostratus's Heroikos : religion and cultural identity in the third century C.E./ Edited by J. K. V. Maclean, E. B. Aitken*. Leiden, 2005. P. 231-244 (пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность Сьюзен Э. Эллок за любезно присланную ею мне статью во время работы над этим материалом в 2005 г.).

гается на Сиври (или Бешик) Тепе, диаметром в 750 футов, а высотой около 50-ти. Археологические исследования свидетельствуют о том, что здесь ещё в медно-каменном веке существовало поселение. В эпоху Римской империи курган был искусственно «увеличен», что, вероятно, связано с торжественным посещением могилы Ахилла Каракаллой в 214 году по Р.Х.⁷⁶ Кешик Тепе идентифицируют с могилой Патрокла. Это опять же искусственно «увеличенный» в более позднее время естественный холм⁷⁷. Более подробных сведений об археологических исследованиях этого региона мы, к сожалению, не имеем.

Заключение

Виноградарь Флавия Филострата говорил, что ежегодно приходящие на его могилу» фессалийцы «распевали в ночи», смешивая ритуалы посвящения (τελετής) с приношениями герою (τοῖς ἐναγύσμασιν)», что эти обряды схожи с обрядовыми церемониями в честь детей Медеи и Меликерта, а также с ритуалом лемносского очищения огня. В чем это сходство могло состоять, я и попытался показать.

Со всеми рассмотренными культурами сигейский обряд роднит, прежде всего, его торжественно-таинственный характер. В первую очередь, с внешней стороны, это то, что все эти обряды совершаются ночью, совмещая в единой церемонии жертвоприношения, как хтонические (τὰ ἐναγύσματα), так и олимпийские (αἱ θυσίαι), что, с другой стороны, указывает и на исключительную небесно-хтоническую природу самих божеств⁷⁸, почитаемых этими ритуалами. Наконец, с лемносским «очищением» культ Ахилла на Сигее сближают, кроме очевидной важности корабля, видимо, также и определённые «огненные» ритуалы, о которых, в отношении Ахиллова культа, Филострат прямо не пишет, но которые вполне можно предполагать по аналогии с другими «огненными праздниками», справлявшимися в Средиземноморье с древнейшего времени⁷⁹. Кроме того, все эти культы, очевидно, инициации, то есть т.н. «обряды перехода» и мистериальны по своей природе.

Сравнение обрядовой стороны культов, о сходстве которых говорит Филострат, позволяет приблизиться к действительной природе культа божественного героя на Сигейском мысу. Наглядно можно свести результаты исследования в следующей *таблице последовательности обрядовых событий* в рассмотренных нами культах⁸⁰:

⁷⁶ См.: Cass. Dio 77. 16. 7 и Herod. IV. 8. 3-5.

⁷⁷ COOK J. M. *The Troad*. Oxford, 1973. P. 165; WAIBLINGER A. *La ville grecque. D'Éléonte en Chersonèse de Thrace et sa nécropole* // Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Compte rendus. 1978. P. 845; DEMANGEL R. *Le Tumulus dit de Protésilas*. Fouilles du corps d'occupation français de Constantinople 1. Paris, 1926 и S.E. ALCOCK. Op. cit. P. 231-244.

⁷⁸ См.: BURKERT W. Op. cit. P. 208-215.

⁷⁹ См.: BURKERT W. Op. cit. P. 27-28.

⁸⁰ Разумеется, приведенная в таблице реконструкция обрядовых событий для ритуалов

КУЛЬТ АХИЛЛА НА СИГЕЕ	ЛЕМНОССКОЕ ОЧИЩЕНИЕ	КУЛЬТ ДЕТЕЙ МЕДЕИ	КУЛЬТ МЕЛИКЕРТА (ПАЛЕМОНА)
1) выбор священного посольства числом «дважды по семь»	1) отказ от огня на 9 дней	1) выбор семи мальчиков и семи девочек для служения в храме Геры на год (траурное черное одеяние)	1) —
2) ночное прибытие, гимн Фетиде	2) очистительные и заупокойные приношения (ночью)	2) шествие к могиле (ночью)	2) очистительные и заупокойные приношения (ночью)
3) восхождение на могилу Ахилла и возложение венка	3) прибытие корабля с Делоса с новым огнём	3) откапывание священного ножа	3) спуск в <i>адитон</i> (?)
4) ἐνάγισμα	4) ἐνάγισμα	4) ἐνάγισμα	4) ἐνάγισμα
5) спуск с кургана	5) встреча корабля	5) возвращение к храму Геры (?)	5) выход из святилища
6) θυσία	6) разделение нового огня	6) θυσία	6) θυσία
7) отплытие и пир	7) —	7) —	7) —

Таким образом, *Героика* Флавия Филострата вполне может служить источником, позволяющим реконструировать или, по-крайней мере, предлагать реконструкции некоторых обрядовых черт греческой религии.

On Thessalian Cult of Achilles (Philostr. *Heroic.* 52.3-54.1)

Alexey W. Belousov

Philostratus' *Vinedresser* claims that the Thessalians "sang at night when they visited his (Achilles) tomb every year mixing something of an initiatory rite (τελετῆς) with their offerings to the dead (τοῖς ἐναγίσμασιν)". These Thessalian rites are likened by the *Vinedresser* to those practiced by the Lemnians to purify their island and by the Corinthians for Melikertes and for Medea's children. This article probes the likeness of these rituals in order to arrive at a better understanding of the nature of the Achillean cult on Sigaeum. All of these cults are «mysterial» by their nature. The mixing together of αἱ θυσίαι and τὰ ἐναγίσματα tells us that the gods honored by these rites are both Olympian and chthonic at the same time.

культов детей Медеи, Палемона и лемносского «очищения» носит достаточно гипотетический характер, однако и по имеющимся данным мы можем судить о мистериальной природе разобранных нами культов.